

Люблинский Павел Исаевич

**Преступления в области
половых отношений**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
П12

П12 **Павел Исаевич Л.**
Преступления в области половых отношений / Люблинский Павел Исаевич –
М.: Книга по Требованию, 2025. – 250 с.

ISBN 978-5-519-94444-1

ISBN 978-5-519-94444-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

ПОНЯТИЕ И ГРАНИЦЫ СЕКСУАЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.

Половая сфера человека представляет собою одну из наиболее интимных и сокровенных сторон его жизни, но вместе с тем она является одним из наиболее мощных факторов его поведения. Происходя из глубоких органических потребностей тела, половой инстинкт дает свои разветвления почти во всех областях нашего духа; оттесненный на второй план в области сознательных представлений, он прочно гнездится в сфере подсознательных переживаний, и искусный психологический анализ сможет обнаружить в значительной массе наших поступков скрытые сексуальные мотивы.

Половой инстинкт имеет две стороны. В вековой борьбе за существование отдельных видов победа досталась тем из них, которые были в большей степени наделены инстинктом размножения, стремлением к порождению потомства. Этот инстинкт размножения, требующий порою большого самопожертвования от индивида, в неодинаковой степени развит у мужчины и у женщины. В то время как у первого он возникает в сознании лишь, как некоторая конечная цель полового акта, у женщины он связан рядом ее органических особенностей, делающих женщину, в первую очередь, носительницей этого инстинкта. Длительный период вынашивания ребенка и вскармливания

его грудью производит коренные изменения во всем органическом строе женщины и в значительной степени подчиняет ее существованию этой идее размножения. Для женщины конечная цель размножения, поскольку она лежит в области органической сферы, является достигнутой с момента зачатия. Стремление к защите и поддержке матери и детенышей есть уже результат связей социального типа. Для женщины же размножение охватывает целые годы ее жизни, когда ее организм находится в неразрывном симбиозе с утробным плодом или с грудным младенцем.

Но, предназначенный служить целям размножения, половой инстинкт имеет и другую сторону, сторону индивидуального удовлетворения. Стремление к соединению с особью другого пола, к плотскому соитию (*libido sexualis*), независимо от связанных с ним последствий, представляет собою самостоятельный и сильный мотив поведения не только у людей, но и у животных. Это сексуальное влечение, находя свое конечное удовлетворение в форме полового акта, имеет различные степени возбудимости, начиная от удовольствия, испытываемого от пребывания в обществе лиц другого пола, стремления к физическому соприкосновению с ними (*contrectatio*) или длительному созерцанию и кончая действиями грубо чувственного характера.

Эта двойственная природа полового инстинкта служит зачастую источником трагических конфликтов между личностью и обществом. Общество в целом заинтересовано в том, чтобы половой инстинкт был обращен в сторону размножения и признает половую деятельность человека социально-ценной лишь постольку, поскольку она обращена именно в эту сторону. Целый ряд социальных установлений и обычаев, поддерживаемых при помощи закона, рассчитан на то, чтобы обеспечить такое именно проявление

ние полового инстинкта. Господствующие моральные воззрения, религиозные учения, установленные формы брачных отношений, сложившиеся правила приличия и, наконец, порою уголовное законодательство соединенными силами действуют именно в этом направлении. Это давление возрастает особенно сильно в те эпохи и у тех народов, у которых ослабевает естественная сила инстинкта размножения, и народ в целом начинает сознавать опасность быстрого угасания. Здесь уголовное законодательство становится особенно суровым, а, с другой стороны, приобретаются всевозможные меры поощрения в целях усиления рождаемости.

Индивидуальная роль полового инстинкта значительно отклоняется от его социальной роли. Стремление к удовлетворению половой страсти значительно преобладает над стремлением к зачатию и деторождению и даже порою исключает последнее, как некоторую помеху. Половой инстинкт становится источником жизненных наслаждений. Он не только приводит к максимальному напряжению половой жизни, но и накладывает свою печать на все стороны проявления духовной культуры, в частности, на искусство, приобретающее характер эротики, на быт, на социальные отношения людей. Красота и смысл жизни приобретают иной облик с точки зрения индивидуального понимания полового инстинкта. В поисках новых наслаждений нормальные формы половой жизни сменяются извращенными или более утонченными формами удовлетворения полового чувства. В жертву этому наслаждению приносятся различные социальные ценности высшего порядка и оно становится одним из обильных источников преступности и порою вырождения.

Двойственный характер полового инстинкта не может быть преодолен исключительным подчинением одной его стороны другой. Ни постановка половых отношений

в идеальном государстве Платона, в котором все отношения между полами были подчинены строгой государственной регламентации в целях получения наиболее желательного для государства потомства, ни полная свобода половых отношений, проповедывавшаяся в общинах мормонов, не являются действительным разрешением этой двойственности. Здесь мы наблюдаем скорее неизбежное противоречие между индивидуальной и коллективной функцией полового инстинкта, которое, подобно многим другим противоречиям между личностью и обществом, допускает лишь временный компромисс, поддерживаемый давлением определенных социально-биологических и социально-экономических условий существования группы и быстро меняющий свой характер с изменением этих условий в ту или иную сторону. Можно изобретать любые теории по этому вопросу но они рушатся, как карточные домики, перед живыми фактами общественной эволюции. Не являются надежной основой и так называемые естественные теории, которые исходят из наблюдения над половой жизнью низших видов животных, так как и здесь мы не имеем достаточного единообразия и, кроме того, эти аналогии совершенно игнорируют интересы духовного прогресса, отличающего человеческое общество от обществ животных.

Из сказанного следует, что нельзя утверждать о существовании безусловной и неизменной половой морали или нравственности, регулирующей половые отношения. Существующая в каждую эпоху и у каждого народа мораль лишь отражает в себе, с большей или меньшей точностью, сложившиеся формы половых отношений, оказывая определенное давление на поведение отдельных лиц с целью приспособления их к воззрениям всей группы. Но самый уклад этих отношений определяется факторами не морального и не религиозного характера, а более глубокими причинами, определяющими вообще социальную жизнь

человечества. Между этими последними и господствующей моралью происходят порою резкие конфликты, приводящие к «кризису», к падению старой морали и нарождению новой. В течение этих кризисов мы наблюдаем периоды отрицания, когда разрушение старого, не компенсируемое в достаточной мере авторитетным ростом новых воззрений, приводит к полному отрицанию половой морали, и периоды решительного утверждения, когда новая мораль относится с величайшей нетерпимостью ко всему, что отклоняется от ее требований. Между революциями политическими и социальными, с одной стороны, и революциями морали наблюдается весьма тесная связь. Обе английские революции середины и конца XVII века, в особенности первая, получившая название пуританской революции, сопровождались резким изменением характера моральных воззрений английского народа. Внешний пуританизм многих социальных отношений современной Англии (часто не соответствующий подлинному жизненному содержанию) является наследием этих революций. Французская революция конца XVIII века смела пришедшую к полному упадку мораль феодальных классов. В первый свой период—период отрицания—она выразилась в крайней половой распущенности революционной эпохи с тем, чтобы после реставрации вылиться в новые формы морали буржуазного класса, под действием которой почти безраздельно до сих пор живет современная Франция. Германский абсолютизм перед своим падением также проявлял серьезные признаки морального разложения, но внедрение новой морали буржуазного класса здесь происходило более медленным и мирным путем. Подтверждению высказываемой мысли дает нам и опыт наших революций. Революция 1905 г., успевшая вступить лишь в стадию отрицания и задушенная затем быстрым подъемом реакции, вызвала, как известно, в самых разнообразных кругах, особенно среди молодежи, наиболее

чутко откликнувшейся на революционное движение, отрицание старых правил половой морали, выражавшееся порою в уродливых формах полового разврата. Революция 1917 г. произвела значительно более глубокий переворот в этой области. Многие моральные воззрения отошли вместе с классами, поддерживавшими их. Отрицающая фаза революции в сфере отношений половой морали быстро сменилась декретированием новых свободных форм брачных отношений и ненаказуемости аборта. Отпали религиозные, сословные и уголовные санкции морали, и новая мораль стала складываться в рамках новых классовых отношений. Воззрения коммунизма прошли через стадию отрицания всякого значения за нравственностью, сменившись затем пропагандой нового быта и нового уклада половых отношений соответственно потребностям социалистического строя.

Уголовные законы о половых преступлениях представляют собою часть социальных воззрений общества относительно должного поведения человека в сфере половых отношений. Они создают наиболее энергичную санкцию определенного уклада этих отношений, осуществление которой находится в руках государства. При отпадении бытовых, покоящихся на обычаях старого времени, сословных и религиозных санкций уголовная санкция приобретает особенное значение. При помощи уголовного законодательства государство намечает те границы вторжения в половую жизнь своих граждан, которые оно признает необходимыми для поддержания социального порядка и жизненных интересов общества. Уголовный закон является мало удачным средством для проповеди моральных воззрений, но он доныне является необходимым орудием для того, чтобы помешать извращенным и социально-опасным действиям в половой области причинить вред более важным социальным ценностям. В этом отношении роль уго-

ловного закона можно сравнить с ролью крепостей в войне. Непригодные для завоевательных целей, они необходимы для того, чтобы помешать вражескому наступлению или закрепить за собою добытую область. Поэтому объектом уголовного законодательства являются только такие действия, которые вредят определенному социальному интересу и которые не столько нарушают определенные принципы морально-должного, сколько противоречат требованиям социальной охраны. Уголовные законы лишь отражают в себе определенные моральные воззрения, но острее их направлено не против безразличности, а против социальной неправды. В прошлом мы неоднократно наблюдали случаи, когда уголовный закон становился оружием для воинствующей религии и морали. Церковь, пользуясь господствующим положением в государстве, стремилась отождествить область социальной неправды с областью греховного, и светский меч обращался для наказания таких действий, которые противоречили лишь церковным учениям. Так, воззрение на брак как на особое таинство, освящаемое церковью, приводило к наказуемости конкубината и прелюбодеяния, т.е. не освященного церковью сожителства, как преступления против нравственности; библейские тексты служили единственным подкреплением соображений о наказуемости того или иного полового порока (напр., содомии) и пр. Но между понятием греховного и понятием антисоциального ныне приходится проводить резкую разграничительную черту. Точно также отдельные рьяные приверженцы тех или иных моральных учений порою с особой горячностью требуют объявления преступным того или иного поведения в половой области, которое не согласуется с их догмами, при чем они отождествляют область безразличного с областью антисоциального. Безразличное поведение, если оно действительно расходится с господствующей моралью, способно лишь

уронить достоинство лица в глазах окружающих или навлечь на него стыд, но еще не делает его нарушителем тех социальных отношений, на страже которых стоит государство.

Стыд и доныне является наиболее мощным регулятором массового поведения в половой сфере. Если в отдельных случаях он оказывается недостаточным, чтобы удерживать человека от совершения определенного полового поступка, то почти всегда он приводит к стремлению скрыть его от внимания или вслепую окружающих, сделать его наиболее интимным. Далеко не все люди обладают достаточным страхом перед законом, но громаднейшая часть людей обладает природным чувством стыда. Уголовное преследование порока и безнравственности, быть может, несколько повышает страх перед законом, но зато, несомненно, понижает естественное чувство стыда, так как самый порок становится более заметным, чаще наблюдаемым и соблазняющим. Закон ограждает интимную жизнь человека, и только ради серьезных социальных интересов, а не ради мнимого торжества начал половой морали, допустимым является раскрытие этой интимной половой жизни. Чувство стыда боится всякого постороннего взгляда, страх же перед законом часто переживается лишь как стремление уйти из-под бдительного ока соответствующего органа власти. Предупредительная роль стыда, поэтому, гораздо сильнее предупредительной силы угрозы уголовного закона, и наиболее строгое законодательство о преступлениях против половой нравственности мы обычно встречаем в тех странах, в которых стыд потерял свою силу и половые преступления распространены особенно широко. Достаточно вспомнить эпоху Римской империи с ее необычайно распушенными нравами и строгим законодательством о половых пороках (*lex Julia de adulteriis*). Другой пример являет нам Германия, где гомосексуализм преследуется

особенно ревностно и где, вместе с тем, он процветает значительно сильнее, чем в какой-либо другой стране. Здоровая уголовная политика требует в качестве лучшего средства против безнравственности в половой сфере поднятия и ограждения чувства стыда, а не сурового преследования проявлений безнравственности в частной жизни лица.

В литературе, посвященной половым преступлениям, можно встретить порою указания на то, что корни преступности в половой сфере заложены слишком глубоко в организме человека, и потому борьба с этим видом преступности при помощи уголовного закона большей частью является бесплодной. Угроза уголовного закона воздействует на наше поведение чрез посредство сознания, сексуальные же стимулы лежат в подсознательной области и часто не только не подчиняются сознательному контролю, но сами побеждают сознание. Конечно, нельзя оспаривать того, что в ряде случаев, при болезненной сексуальности лица, оно теряет способность владеть своими действиями. Но в таких случаях, естественно, ставится вопрос об его изменчивости. Однако в громадном большинстве случаев половая деятельность человека подчинена контролю сознания и способна поддаваться влиянию социальных представлений. Влияние представлений на половую жизнь в смысле возбуждения и, наоборот, торможения половых стремлений громадно. Социальная жизнь во множестве выработала сдержки против чисто импульсивных действий. Правила приличия, установившиеся отношения между полами, очищение умственной сферы от представлений сексуального характера и иные меры создают серьезный барьер, преодолеть который бывает не под силу нормально развитому половому инстинкту. При его болезненном развитии, обусловленном душевной болезнью, атактизмом или крайними излияниями, эти сдержки зачастую оказываются недо-

статочными. Однако на ряду с этим в большинстве случаев приходится встречаться с тем, что называется половой распущенностью, т.-е. с сознательным игнорированием социальных запретов и сдержек; оно вызывается или грубым эгоизмом, питаемым склонностью к чувственным удовольствиям, или крайней социальной неразвитостью лица на почве невежества, недостатка социального воспитания или умственной отсталости. Эти стороны вполне поддаются социальному регулированию, и угроза наказанием является одним из наиболее сильных, рассчитанных на более низкую психологию, средств такого регулирования.

Половой инстинкт является одной из самых консервативных функций человека и воззрения на нормальные и ненормальные формы его удовлетворения почти не менялись в течение многих веков. Меняются лишь воззрения на принудительность его социального регулирования. Другими словами, в ходе эволюции общества учитываются социальные рефлексы той или иной формы удовлетворения полового инстинкта и, поскольку те или иные рефлексy оказываются вредными для данного социального строя, возникает потребность в подавлении тех форм удовлетворения половой страсти, которые порождают эти рефлексy. Поэтому правильная эволюционная точка зрения в области половых преступлений может быть установлена не той теорией, которая, исходя из представления о первобытной простоте и чистоте половых отношений, рассматривает постепенный ход цивилизации как усиление и развертывание различных половых пороков и преступлений и которая готова призывать человечество к возвращению к примитивам половой жизни, а той социологической теорией, которая, исходя из общих форм общественного развития, ищет в них причины, обуславливающие изменение воззрений на социально-допустимые и социально-недопустимые формы удовлетворения